

FROM BILATERAL COOPERATION TO TRANSREGIONAL INTERACTION: UZBEKISTAN AND SAUDI ARABIA IN A CHANGING WORLD ORDER

A.K. Kadyrov

Independent Researcher

Tashkent State University of Oriental Studies

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: Uzbekistan, Saudi Arabia, transregionalism, Central Asia, GCC, economic diplomacy, strategic partnership, regional resilience.

Received: 20.07.26

Accepted: 21.07.26

Published: 22.07.26

Abstract: The article examines the transition of Uzbekistan–Saudi Arabia relations from a predominantly bilateral model toward transregional interaction between Central Asia and the Arab Gulf. It identifies the political and institutional conditions under which diplomatic agreements and economic projects acquire sustainable interregional significance. The study employs institutional and comparative political analysis, process tracing, content analysis of official documents, and case studies of energy, transport, and digital projects. A four-stage periodization of bilateral relations from 1992 to 2026 is proposed. The article demonstrates that the announced project portfolio, actually utilized investment, commissioned capacity, and regional impact refer to different stages and should not be treated as interchangeable indicators. Direct, indirect, and potential regional effects are distinguished. The main contribution is the concept of transregional conversion: a national result becomes a regional political resource only when a verifiable cross-border channel, institutional anchoring, public-good properties, and evidence-based validation are present. Practical recommendations include a bilateral digital project registry, a joint coordination group, risk early-warning procedures, and a regional filter linking bilateral initiatives to the Central Asia–GCC framework.

ИККИ ТОМОНЛАМА ҲАМКОРЛИКДАН ТРАНСМИНТАҚАВИЙ ЎЗАРО ҲАМКОРЛИККА: ЎЗГАРИБ БОРАЁТГАН ЖАҲОН ТАРТИБИДА ЎЗБЕКИСТОН ВА САУДИЯ АРАБИСТОНИ

А.К. Кадиров

Мустақил тадқиқотчи

Тошкент давлат шарқишунослик университети

Тошкент, Ўзбекистон

МАҚОЛА ҲАҚИДА

Калит сўзлар: Ўзбекистон, Саудия Арабистони, трансминтақавийлик, Марказий Осиё, Кўрфаз араб давлатлари ҳамкорлик кенгаши, иқтисодий дипломатия, стратегик шериклик, минтақавий барқарорлик.

Аннотация: Мақолада Ўзбекистон–Саудия Арабистони муносабатларининг асосан икки томонлама ҳамкорлик моделидан Марказий Осиё ва Араб кўрфази ўртасидаги трансминтақавий ўзаро ҳамкорликка ўтиш жараёни тадқиқ этилган. Тадқиқотнинг мақсади дипломатик келишувлар ва иқтисодий лойиҳалар барқарор минтақаларо аҳамият касб этадиган сиёсий-институционал шартларни аниқлашдан иборат. Институционал ва қиёсий-сиёсий таҳлил, жараёни изчил кузатиш, расмий ҳужжатлар контент-таҳлили ҳамда энергетика, транспорт ва рақамли лойиҳалар бўйича кейс-тадқиқот усуллари қўлланилди. 1992–2026 йиллардаги муносабатларнинг тўрт босқичли даврлаштирилиши асосланди. Инвестиция портфели, ўзлаштирилган маблағлар, ишга туширилган қувватлар ва минтақавий самара ҳамкорлигининг турли босқичларини ифодалаши ва ўзаро алмаштириладиган кўрсаткичлар сифатида қўлланмаслиги кўрсатилди. Миллий натижанинг трансчегаравий канал, институционал мустаҳкамлаш, жамоат неъмат ва далилларга асосланган текширув мавжуд бўлгандагина минтақавий сиёсий ресурсга айланишини ифодаловчи трансминтақавий конверсия концепцияси тақлиф этилди.

ОТ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА К ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ: УЗБЕКИСТАН И САУДОВСКАЯ АРАВИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

А.К. Кадыров

Независимый исследователь

Ташкентского государственного университета востоковедения

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Узбекистан, Саудовская Аравия, трансрегионализм, Центральная Азия, ССАГЗ, экономическая дипломатия, стратегическое партнёрство, региональная устойчивость.

Аннотация: В статье исследуется переход узбекско-саудовских отношений от преимущественно двусторонней модели сотрудничества к трансрегиональному взаимодействию Центральной Азии и Арабского залива. Цель исследования состоит в выявлении политико-институциональных условий, при которых дипломатические договорённости и экономические проекты приобретают устойчивое межрегиональное значение. Применены институциональный и сравнительно-политологический анализ, процессуальное прослеживание, контент-анализ официальных документов и углублённое изучение энергетических, транспортных и цифровых проектов. Обоснована четырёхэтапная периодизация отношений в 1992–2026 годах. Установлено, что совокупный инвестиционный портфель, освоённые средства, ввод мощностей и региональный эффект характеризуют разные стадии сотрудничества и не могут использоваться как взаимозаменяемые показатели. Предложены критерии разграничения прямого, косвенного и потенциального регионального эффекта. Научная новизна выражается в концепции трансрегиональной конверсии, согласно которой национальный результат становится региональным политическим ресурсом только при наличии трансграничного канала, институционального закрепления, общественного блага и доказательной верификации. Разработаны предложения по цифровому реестру проектов, совместной координационной группе и региональному фильтру в формате «Центральная Азия – ССАГЗ».

Введение. Трансформация мирового порядка сопровождается перераспределением политического и экономического влияния, усилением роли средних держав и расширением форматов взаимодействия, которые не укладываются в классическое разделение на двустороннюю дипломатию и многосторонние организации. Государства всё активнее используют инвестиции, инфраструктуру, энергетику, транспорт, цифровые

платформы и суверенные финансовые механизмы как инструменты внешней политики. В результате материальные проекты становятся не только объектами хозяйственного обмена, но и средствами формирования доверия, взаимозависимости, переговорных возможностей и долгосрочного политического присутствия [1; 2].

Для Республики Узбекистан диверсификация внешних партнёров является составной частью открытой и многовекторной внешней политики. Центральное положение страны в Центральной Азии, отсутствие прямого выхода к морским коммуникациям, растущий внутренний рынок и потребность в технологической модернизации повышают значение устойчивых связей с государствами Арабского залива. Для Саудовской Аравии, реализующей программу Vision 2030, Центральная Азия представляет пространство инвестиционной диверсификации, энергетических и инфраструктурных проектов, новых рынков и укрепления дипломатического влияния в Азии [3].

Узбекско-саудовские отношения особенно показательны для анализа перехода от двустороннего сотрудничества к трансрегиональному взаимодействию. После установления дипломатических отношений в 1992 году стороны последовательно сформировали политическую, договорно-правовую, консульскую и гуманитарную инфраструктуру. С 2017 года заметно усилились контакты на высшем уровне, межправительственная и деловая координация, а в 2022 году отношения были официально определены как полномасштабное партнёрство [4]. Одновременно в 2022–2023 годах возник стратегический диалог между государствами Центральной Азии и Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), который придал двусторонним связям более широкую межрегиональную рамку [5; 6].

Вместе с тем сам факт существования крупного портфеля проектов и участия государств в межрегиональном формате ещё не доказывает появления трансрегионального результата. Политическое заявление фиксирует намерение; меморандум создаёт рамку; инвестиционное соглашение определяет обязательства; финансовое закрытие подтверждает ресурсную обеспеченность; ввод объекта создаёт национальный результат. Лишь после установления устойчивого трансграничного канала, участия других государств или межрегионального института и наличия общественного блага можно говорить о прямом региональном эффекте. Поэтому центральная проблема статьи состоит в определении механизма, посредством которого двусторонние политико-экономические связи преобразуются в фактор взаимосвязанности и устойчивости двух регионов.

Цель статьи — раскрыть политико-институциональные условия перехода узбекско-саудовского сотрудничества к трансрегиональному взаимодействию и разработать практические предложения по сопряжению двустороннего портфеля с приоритетами формата «Центральная Азия – ССАГЗ». Научная гипотеза заключается в том, что такой переход происходит не автоматически вследствие роста стоимости проектов, а через последовательную институциональную конверсию: политический мандат, правовое оформление, ответственное исполнение, подтверждённый национальный результат, трансграничное распространение и межрегиональное закрепление.

Обзор литературы и методы исследования. Теоретической основой исследования служит сочетание нескольких направлений международно-политической мысли. Реалистический и неореалистический подходы позволяют рассматривать диверсификацию партнёров как средство укрепления автономии и снижения зависимости от ограниченного круга центров силы. Либеральный институционализм объясняет роль договоров, комиссий, повторяющихся процедур и информационного обмена в снижении неопределённости [7]. Теория комплексной взаимозависимости показывает, как политические, инвестиционные, энергетические, транспортные и общественные каналы образуют единую систему чувствительности и взаимных издержек [8].

Для понимания политической функции инвестиций используется концепция *economic statecraft* — экономического государственного управления. Она охватывает применение экономических стимулов и ограничений для достижения внешнеполитических целей [9]. В рассматриваемом случае речь идёт преимущественно о позитивных инструментах: инвестициях, проектном финансировании, энергетических соглашениях, технологическом сотрудничестве и доступе к инфраструктуре. При этом корпоративный проект нельзя автоматически считать инструментом государственной политики. Его политическая атрибуция требует наличия государственного мандата, дипломатического сопровождения, межправительственного согласования или устойчивого воздействия на двустороннюю повестку.

Концепции нового регионализма и межрегионализма позволяют выйти за рамки территориально замкнутого понимания региона. Региональность формируется через политические институты, инфраструктурные потоки, нормы, сети бизнеса, экспертов и общественные контакты [10]. Трансрегионализм в данной статье понимается как устойчивое взаимодействие субъектов двух региональных пространств, в котором двусторонние связи становятся каналами более широкой координации, а отдельные проекты создают или поддерживают трансграничные общественные блага. Это понятие

шире межправительственного межрегионализма, поскольку включает не только саммиты и министерские диалоги, но и компании, финансовые институты, университеты, транспортные сети и цифровую инфраструктуру.

Современная литература подробно анализирует внешнеполитическую трансформацию Саудовской Аравии, её стратегическое хеджирование, нишевую дипломатию и роль суверенных ресурсов [11; 12]. Отдельные исследования посвящены эволюции узбекско-саудовских отношений и расширению связей государств Залива с Центральной Азией [13; 14]. Однако недостаточно разработан вопрос о критериях, позволяющих отличить национальный результат двустороннего проекта от подтверждённого регионального эффекта. Не хватает также методики, связывающей политический диалог, правовой статус документов, стадии финансирования, локализацию и межрегиональное распространение результата.

Эмпирическую основу статьи составляют совместные заявления руководителей государств, материалы Межправительственной комиссии и Делового совета, документы стратегического диалога «Центральная Азия – ССАГЗ», официальные сообщения о проектах и вводе объектов, а также научные исследования. Эмпирический срез завершён 15 июля 2026 года. Используются институциональный, историко-политический и сравнительно-политологический методы. Процессуальное прослеживание применено для проверки цепочки «политическая инициатива — договорённость — правовое оформление — финансирование — реализация — результат». Метод case study использован применительно к энергетическим, транспортно-авиационным и цифровым проектам. Триангуляция источников предполагает сопоставление нормативных документов, официальных сообщений сторон и корпоративных раскрытий.

Для предотвращения завышенных оценок доказательства разделены на три уровня. Уровень А включает международные договоры, нормативно-правовые акты, официальную статистику, документы о финансовом закрытии и вводе объектов. Уровень В охватывает проверяемые сообщения государственных органов, международных организаций и компаний. Уровень С включает научно-аналитические публикации и экспертные оценки. Отсутствие данных не интерпретируется как отсутствие результата; такой показатель квалифицируется как информационно не покрытый.

Основные результаты и их обсуждение. Эволюция узбекско-саудовских отношений показывает, что переход к трансрегиональному взаимодействию происходил не линейно, а через изменение политического статуса отношений, плотности институтов,

структуры экономических инструментов и степени включения двусторонней повестки в формат Центральная Азия – ССАГЗ. На этой основе выделяются четыре этапа (табл. 1).

Период	Этап	Ключевое содержание	Трансрегиональное значение
1992–2016	Становление институциональных предпосылок	Дипломатические и консульские отношения, договорно-правовая база, гуманитарные и религиозные контакты	Преимущественно двусторонний; ограниченное проектное наполнение
2017–2021	Политико-инвестиционная активизация	Учащение контактов, усиление Межправительственной комиссии, расширение инвестиционного диалога	Формирование условий для долгосрочных проектов
2022–2024	Переход к полномасштабному партнёрству	Совместное заявление 2022 года, крупные энергетические соглашения, стратегический диалог Центральная Азия – ССАГЗ и первый саммит	Институциональное включение двусторонних связей в межрегиональную рамку
2025–15.07.2026	Стратегическая диверсификация и институционализация	Расширение повестки на авиацию, аэропорты, воду, цифровые технологии, искусственный интеллект и социальные проекты; ввод отдельных энергетических компонентов	Появление прямых, косвенных и потенциальных каналов трансрегионального распространения

Таблица 1. Этапы перехода узбекско-саудовских отношений к трансрегиональному взаимодействию. Составлено автором.

Первый этап создал дипломатическую и правовую инфраструктуру, но сотрудничество сохраняло преимущественно протокольный и гуманитарный характер. На

втором этапе политическая открытость Узбекистана и внешнеэкономическая трансформация Саудовской Аравии сформировали взаимодополняемость интересов: Узбекистан получил доступ к долгосрочному капиталу и технологическим решениям, а Саудовская Аравия — к крупному рынку и центральному государству Центральной Азии. Однако системный переход произошёл после 2022 года, когда политическая формула полномасштабного партнёрства была дополнена крупными проектами и межрегиональными институтами.

Совместный план действий Центральной Азии и ССАГЗ на 2023–2027 годы охватывает политический и безопасностный диалог, торговлю, инвестиции, транспорт, энергетику, водную и продовольственную безопасность, образование, здравоохранение, культуру, молодёжную политику и контакты между обществами [5; 6]. Его значение заключается в создании институционального «моста», через который двусторонние инициативы могут масштабироваться. Вместе с тем широкий перечень направлений не равнозначен наличию обеспеченных ресурсами региональных программ. Для превращения повестки в результат необходимы ответственные рабочие органы, контрольные показатели, финансирование и публичная отчётность.

Количественные параметры современного сотрудничества подтверждают быстрый рост, но требуют методологически точного толкования. По данным Правительственного портала Узбекистана, в октябре 2025 года реализовывались 56 инвестиционных проектов на сумму 27,2 млрд долл. США; за январь–август 2025 года было освоено 900 млн долл. [15]. На встрече Президента Узбекистана с руководителями саудовских компаний 15 октября 2025 года сообщалось, что портфель превысил 27 млрд долл., с начала года освоено 2 млрд долл., частота авиарейсов превысила 60 в неделю, а проекты ACWA Power оценивались в 15 млрд долл. [16]. Эти данные относятся к разным датам и, возможно, различным методикам учёта. Поэтому они подтверждают масштаб и динамику, но не должны складываться или использоваться как идентичные показатели.

Методологически необходимо различать объявленную стоимость портфеля, стоимость подписанных соглашений, подтверждённое финансирование, фактическое освоение инвестиций, строительную готовность, введённые мощности и общественный результат. Меморандум отражает намерение, но не финансовое закрытие. Начало строительства не тождественно вводу. Ввод отдельного объекта не доказывает локализацию, передачу технологий и региональный эффект. Такое разграничение переводит анализ от «дипломатии крупных объявлений» к дипломатии подтверждённых результатов.

Энергетика является наиболее зрелым направлением сотрудничества. Значение проектов в солнечной и ветровой энергетике, системах накопления и перспективном производстве зелёного водорода определяется не только объёмом капитала, но и долгосрочностью контрактов, влиянием на национальную энергосистему и постоянной координацией государства, сетевых компаний, инвесторов и финансовых институтов. В феврале 2026 года было официально подтверждено начало полной коммерческой эксплуатации системы накопления энергии Riverside BESS мощностью 334 МВт и ёмкостью 501 МВт·ч, связанной с солнечной станцией мощностью 200 МВт в Ташкентской области [17]. Это пример перехода от политического и договорного уровня к проверяемому операционному результату.

Однако национальный энергетический результат ещё не является прямым региональным эффектом. Он может косвенно повышать устойчивость Центральной Азии, если снижает дефицит мощности, укрепляет надёжность национальной системы, создаёт тиражируемую модель финансирования и способствует совместимости энергетических решений. Прямой эффект возникает при формировании трансграничной инфраструктуры, совместного проекта нескольких государств, регионального рынка или института, обеспечивающего устойчивое распространение результата.

Транспортно-авиационное направление обладает высоким трансрегиональным потенциалом. Рост частоты авиарейсов расширяет деловую и общественную мобильность, а проект нового международного аэропорта может повысить связанность Центральной Азии с Арабским заливом, Южной Азией и другими направлениями. Но трансрегиональная роль аэропорта должна подтверждаться маршрутной сетью, долей транзитных пассажиров и грузов, участием перевозчиков соседних государств, интеграцией с наземными коридорами и стабильностью логистических цепочек. Пока эти параметры не сформированы, корректно говорить о потенциальном, а не завершённом региональном эффекте.

Цифровые проекты, центры обработки данных и сотрудничество в области искусственного интеллекта расширяют повестку за пределы традиционной энергетики. Их политическое значение зависит от стандартов защиты данных, кибербезопасности, локализации компетенций, подготовки кадров и совместимости цифровой инфраструктуры. При отсутствии прозрачных правил цифровой проект способен создавать новые зависимости. При наличии общей нормативной и кадровой платформы он, напротив, может стать основой трансрегиональных услуг и экспертных сетей.

Аналогичная логика применима к водным, экологическим и продовольственным инициативам. Центральная Азия характеризуется высокой взаимозависимостью водных и энергетических систем, поэтому национальный проект приобретает региональное значение только при учёте трансграничных последствий и согласовании с соседними государствами. Саудовские технологии опреснения, водосбережения и управления инфраструктурой представляют практический интерес, но их трансрегиональная конверсия требует совместных пилотных проектов, экологической оценки и механизмов справедливого распределения выгод.

Результаты исследования позволяют разграничить три категории регионального эффекта (табл. 2). Такое разграничение предупреждает автоматическое приписывание двустороннему сотрудничеству заслуг за общую стабильность региона и одновременно позволяет фиксировать реальные каналы влияния.

Категория	Операциональный критерий	Примеры	Оценка
Прямой	Участие другого государства Центральной Азии или межрегионального института; устойчивый трансграничный канал; подтверждённое общественное благо	Стратегический диалог и совместный план Центральная Азия – ССАГЗ	Институционально подтверждён, практическая результативность требует проектной проверки
Косвенный	Национальный результат снижает уязвимость Узбекистана и имеет доказуемый механизм распространения на регион	Энергетическая устойчивость, инвестиционный репутационный сигнал, расширение авиационной мобильности	Частично подтверждён
Потенциальный	Существует официальная инициатива и реалистичный механизм масштабирования, но	Аэропортовый хаб, водные технологии, цифровые центры и искусственный интеллект	Требует институционализации и финансирования

	региональный проект ещё не действует		
--	---	--	--

Таблица 2. Критерии прямого, косвенного и потенциального регионального эффекта. Составлено автором.

На этой основе предлагается концепция трансрегиональной конверсии. Под ней понимается институционально подтверждённое преобразование национального результата двустороннего сотрудничества в ресурс межрегиональной взаимосвязанности, устойчивости или развития. Конверсия включает пять обязательных условий. Первое — национальный результат должен быть фактически подтверждён, а не основываться только на объявленной стоимости. Второе — должен существовать конкретный трансграничный канал: поток энергии, грузов, пассажиров, данных, технологий, стандартов или знаний. Третье — результат должен быть закреплён в институте, договоре или устойчивой процедуре. Четвёртое — проект должен создавать дополнительное общественное благо, а не только частную коммерческую выгоду. Пятое — необходима проверка отсутствия конфликтогенных, экологических и социальных последствий.

Практическая реализация трансрегиональной конверсии требует совершенствования координации. Существующие институты — встречи руководителей, межмидовские консультации, Межправительственная комиссия и Деловой совет — создают необходимую политическую легитимность, но не всегда обеспечивают непрерывный межсессионный мониторинг. Поэтому целесообразно сформировать при Межправительственной комиссии паритетную Совместную координационную группу без создания отдельного юридического лица. Она должна объединять представителей внешнеполитических и отраслевых органов двух стран, вести единый перечень договорённостей, верифицировать стадии и готовить квартальные обзоры.

Ключевым инструментом группы должен стать двусторонний цифровой реестр. Каждому документу и проекту присваивается идентификатор; фиксируются правовой статус, ответственные органы, инвестор, финансовая модель, контрольные точки, освоенные средства, строительная готовность, локализация, подготовка кадров, экологические и социальные обязательства, риски и подтверждённые результаты. Единая классификация стадий — «инициатива», «меморандум», «юридически оформлено», «финансирование подтверждено», «реализуется», «введено в эксплуатацию», «результат подтверждён» — исключит смешение политических заявлений и операционных результатов.

Региональный фильтр должен применяться до включения проекта в трансрегиональный портфель. Он отвечает на семь вопросов: участвует ли другое государство Центральной Азии или межрегиональная организация; существует ли устойчивый трансграничный поток; соответствует ли проект совместному плану Центральная Азия – ССАГЗ; подтверждено ли финансирование; создаётся ли общественное благо; является ли региональный компонент дополнительным по отношению к национальному проекту; отсутствуют ли конфликтогенные и дискриминационные последствия. Проект, не прошедший фильтр, остаётся значимым двусторонним результатом, но не представляется как уже достигнутый региональный эффект.

Управление рисками должно строиться по принципу раннего предупреждения. Для каждого существенного риска определяются владелец, индикатор, порог реагирования и корректирующий план. Политические и геополитические риски рассматриваются через дипломатические консультации; юридические — через согласованную экспертизу документов; проектные и финансовые — на уровне ответственных ведомств и компаний; экологические, социальные и киберриски — с привлечением независимых специалистов. Дипломатическая эскалация применяется только к системным проблемам, которые невозможно решить на проектном уровне.

Предлагаемый механизм не заменяет действующие институты, а связывает их в доказательную цепочку. Политический уровень определяет долгосрочные цели. Дипломатический уровень обеспечивает согласованность и предотвращает политизацию технических разногласий. Межправительственная комиссия утверждает приоритеты и рассматривает критические отклонения. Совместная координационная группа ведёт межсессионный мониторинг. Компании и профильные органы отвечают за исполнение. Экспертные организации проводят независимую оценку. Формат Центральная Азия – ССАГЗ обеспечивает межрегиональное сопряжение.

Для Узбекистана применение данного подхода позволит повысить национальную отдачу от инвестиций, усилить локализацию, передачу технологий и подготовку кадров, а также укрепить роль страны как инициатора межрегиональных проектов. Для Саудовской Аравии он создаст более прозрачную и предсказуемую систему проектного сопровождения, снизит риски и позволит связать внешние инвестиции с приоритетами Vision 2030. Для Центральной Азии механизм может стать моделью взаимодействия с государствами Залива, основанной не на конкуренции за отдельные инвестиционные пакеты, а на совместимых инфраструктурных и институциональных решениях.

В 2027 году целесообразно утвердить единый классификатор документов и стадий, провести инвентаризацию портфеля и создать секретариат Совместной координационной группы. В 2028 году — запустить цифровой реестр, риск-мониторинг и планы локализации. В 2029 году — отобрать пилотные трансрегиональные проекты в энергетике, авиации, воде и цифровой инфраструктуре. В 2030 году — провести независимую оценку и представить совместный доклад в рамках диалога Центральная Азия – ССАГЗ. Такой поэтапный подход позволяет избежать преждевременного институционального усложнения и одновременно сформировать устойчивую систему ответственности.

Заключение. Узбекско-саудовские отношения прошли путь от формирования дипломатических предпосылок к полномасштабному партнёрству и постепенному включению в трансрегиональную архитектуру Центральной Азии и Арабского залива. Переломным стало сочетание трёх процессов: укрепления политического диалога, расширения проектно-инвестиционной базы и институционализации формата Центральная Азия – ССАГЗ. Именно их взаимосвязь создаёт возможность выхода за пределы обычной двусторонней повестки.

Вместе с тем крупный инвестиционный портфель сам по себе не является показателем стратегической результативности. Объявленная стоимость, освоенные инвестиции, введённые мощности, национальный результат и региональный эффект относятся к различным стадиям. Их смешение создаёт риск завышенной политической оценки. Поэтому необходима доказательная последовательность: «объявлено — юридически оформлено — профинансировано — реализуется — введено — подтверждён национальный результат — установлен трансграничный канал — доказан региональный эффект».

Научная новизна исследования состоит в обосновании трансрегиональной конверсии как особого политико-институционального процесса. Двусторонний проект приобретает прямое межрегиональное значение только при участии других государств или регионального института, наличии устойчивого трансграничного потока, институционального закрепления и общественного блага. Энергетические результаты сегодня имеют преимущественно косвенный региональный эффект; авиационные, водные и цифровые инициативы обладают значительным, но пока потенциальным трансрегиональным значением. Прямой эффект наиболее отчётливо проявляется в институтах стратегического диалога Центральная Азия – ССАГЗ.

Практически целесообразно создать Совместную координационную группу при Межправительственной комиссии, внедрить цифровой реестр проектов, единые стадии

доказательности, систему раннего предупреждения рисков и региональный фильтр. Это позволит перейти от дипломатии крупных объявлений к дипломатии подтверждённых результатов, повысить доверие, снизить концентрационные и проектные риски и превратить узбекско-саудовское партнёрство в устойчивый канал взаимодействия Центральной Азии и Арабского залива.

Список использованной литературы:

1. Acharya A. Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 215 p.
2. Breslin S., Nesadurai H. E. S. Economic Statecraft, Geoeconomics and Regional Political Economies // The Pacific Review. 2023. Vol. 36, No. 5. P. 927–948. DOI: 10.1080/09512748.2023.2200030.
3. Saudi Vision 2030. Annual Report 2024. Riyadh, 2025. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/> (accessed: 15.07.2026).
4. Новая эра взаимовыгодного сотрудничества в узбекско-саудовских отношениях // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 18.08.2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5433> (дата обращения: 15.07.2026).
5. Gulf Cooperation Council. The First Joint Ministerial Meeting of the Strategic Dialogue between the GCC and Central Asian Countries. Riyadh, 07.09.2022. URL: <https://www.gcc-sg.org/en/MediaCenter/News/Pages/news2022-9-7-2.aspx> (accessed: 15.07.2026).
6. Gulf Cooperation Council. Joint Statement of the GCC–Central Asia Summit. Jeddah, 19.07.2023. URL: <https://www.gcc-sg.org/en/MediaCenter/News/Pages/news2023-7-19-5.aspx> (accessed: 15.07.2026).
7. Keohane R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.
8. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 368 p.
9. Baldwin D. A. Economic Statecraft. Princeton: Princeton University Press, 1985. 424 p.
10. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 457–472. DOI: 10.1080/713687778.
11. Chaziza M., Lutmar C. Saudi Arabia's Niche Diplomacy: A Middle Power's Strategy for Global Influence // World. 2025. Vol. 6, No. 2. Article 65. DOI: 10.3390/world6020065.

12. Qin Q., Razali S. Z. Strategic Hedging in a Multipolar World: Saudi Arabia's Foreign Policy Transformation under Vision 2030 // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2025. Vol. 11, No. 3. P. 72–89. DOI: 10.47305/jlia.2025.1937.

13. Ibragimov S. Evolution, Establishment and Development of Diplomatic Relations between the Kingdom of Saudi Arabia and the Republic of Uzbekistan // *Sharqshunoslik. Востоковедение. Oriental Studies*. 2024. Vol. 3, No. 2. DOI: 10.37547/os/vol-03-01-02-16.

14. Shukurov A. Kingdom of Saudi Arabia and the Republic of Uzbekistan: A New Perspective on Relations // *The American Journal of Political Science Law and Criminology*. 2025. Vol. 7, No. 2. P. 30–35. DOI: 10.37547/tajpslc/Volume07Issue02-07.

15. 7-е заседание Межправительственной комиссии и 6-е заседание Совета предпринимателей Узбекистана и Саудовской Аравии // *Правительственный портал Республики Узбекистан*. 16.10.2025. URL: <https://gov.uz/ru/news/view/93551> (дата обращения: 15.07.2026).

16. The President of Uzbekistan Advocates Further Strengthening of Uzbek-Saudi Business Partnership // *Official Website of the President of the Republic of Uzbekistan*. 15.10.2025. URL: <https://president.uz/en/lists/view/8569> (accessed: 15.07.2026).

17. ACWA Power Company Announces Commercial Operation of the Riverside BESS Project, 334 MW / 501 MWh // *Saudi Exchange*. 12.02.2026. URL: <https://www.saudiexchange.sa/> (accessed: 15.07.2026).

18. Малышева Д. Б. Аравийские монархии и Центральная Азия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 7. С. 79–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-79-89.

19. Арипов Э., Сагер А. Центральная Азия и ССАГЗ: от исторических связей к стратегическому партнёрству. 2025. URL: <https://www.grc.net/single-commentary/288> (дата обращения: 15.07.2026).

20. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

21. Söderbaum F. *Rethinking Regionalism*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 271 p.

22. Beach D., Pedersen R. B. *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019. 328 p.